

«Не все йогурты одинаково полезны». Этот слоган из давнишней рекламы рубежа тысячелетий совершенно неожиданно догнал меня совсем недавно. В запарке и суматохе неотложных дел я, вместо нормального обеда в каком-нибудь кафе, вынужден был забить голод бутылкой питного йогурта и булочкой, купленными в супермаркете. Вечером все тело чесалось и зудело, а к утру я густо покрылся красными пятнами. Еще полдня я потратил на стояние в очередях поликлиники и оформлении документов в приемном покое, после чего пожилая коренастая медсестра отвела меня в терапевтическое отделение и почти втолкнула в палату.

Я поздоровался с соседями по несчастью — долговязым худосочным пареньком и, по контрасту с ним, сморщенным седым дедулей и занял пустующую койку. Неделя больничного режима плавным ленивым потоком в виде капельниц, уколов, анализов и врачебных обходов протекла сквозь меня. Я успел за это время буквально опухнуть ото сна, перерешать все кроссворды, перечитать газеты и до повторного приступа аллергии наиграться в карты с пареньком — гастритиком, изредка, правда, пытаясь флиртовать с медсестрами. Достойных внимания было всего две: молоденькая Наташа и более старшая, лет, наверное, тридцати, Таня. Наташа, на все попытки шуток и комплиментов, даже не улыбалась в ответ, а откровенные ухаживания соседа — гастритика обрывала порой грубо и зло. Таня реагировала на внимание дуреющих пациентов вежливо-нейтрально, иногда с улыбкой, иногда с ответной едкой шуткой возвращала в наш адрес наши же приколы.

Вскоре дедулю выписали. Опустевшая койка не торопилась принять очередного дистрофика, а к концу дня, придерживая в штанах проспиртованную ватку, второй мой сосед радостно объявил, что отпросился на ночь домой и через пять минут слинял, коротко махнув рукой на прощание. Я остался в одиночестве в пустой палате.

После ужина пришла Таня, волоча за собой подставку с капельницей, и склонилась над моей рукой, ловко и почти безболезненно воткнув иглу в вену. За те пять — десять секунд, что она суежилась возле меня, я успел ухватить взглядом в вырезе ее халата кружевной край черного лифчика и две небольшие родинки на белой коже груди у самой ложбинки. Потом я смирно лежал, прикрыв глаза и, вспоминая эти коричневые точки на упругом женском буторке, дурачки улыбался.

Таня появилась минут через сорок. Отключила капельницу, выдернула иглу и прижала ватку к сгибу локтя, зажимая место прокола.

— Держи, — коротко приказала она, убирая руку.

Я придавил тампон вместе с кончиком пальца латексной перчатки, и он, натянувшись, со звонким чмоком порвался.

— Ой! — как-то по-детски вскрикнула Таня и засмеялась.

— Извини, — я тоже улыбнулся.

— Ерунда, не переживай, — ответила медсестра, сгребла подставку и направилась к выходу из палаты.

— Тань! — мой оклик остановил ее посередине между кроватью и дверью.

— Что? — она развернулась в мою сторону.

— У тебя застежка на лифчике расстегнулась. — Я сам обомлел от своей наглости.

Таня повернула голову назад, пытаясь увидеть свою спину, повела плечами, а потом, наконец, улыбнулась, поняв, что это всего лишь розыгрыш.

— Все на месте, — успокоила она меня, разворачиваясь лицом на выход.

— Ну, я же вижу! — не унимался я, решив флиртовать дальше и серьезнее.

Таня снова повернулась ко мне и с ухмылкой спросила:

— Как же это ты можешь видеть?

Я поудобнее сел на кровати, скорчил серьезное лицо и пояснил:

— Видишь ли, в чем дело, у меня есть экстрасенсорные способности видеть сквозь одежду.

Она продолжала ухмыляться, явно не веря моим словам.

— Ну, вот например, сейчас на тебе надет черный лифчик с узкой кружевной отделкой, — продолжил я шокировать женщину. — И еще, на правой груди, ближе к ложбинке, у тебя две небольшие родинки.

Таня непроизвольно опустила взгляд в вырез халата.

— Не прикалывайся, — нежно попросила она и снова собралась уходить.

— А еще, на попе, тоже с правой стороны, такие же родинки, но только три штуки.

Медсестра замерла и, глядя мне в глаза, низким волнующим голосом произнесла:

— А вот там ничего нет.

— Есть, — не сдавался я. — посмотри сама!

— Хорошо, посмотрю. — Она, наконец-то, двинулась к выходу.

— А еще на тебе шикарные стринги! — но ответом мне была лишь закрывшаяся дверь.

Примерно час я пытался понять смысл статьи в газете, но в голове постоянно крутился наш так спонтанно завязавшийся разговор. От воспоминаний о ее чарующем голосе, загадочной улыбке и белом халате, под которым удалось разглядеть волнующие кружева белья, теплело в груди и щекотало в животе.

Дверь в палату распахнулась неожиданно и резко, будто ее открыли ногой, и Таня в несколько шагов очутилась возле меня. В руке она держала шприц иглой вверх и своей позой напоминала кадры из фильма ужасов про маньяков-врачей.

— Укольник! — приторно-сладко пропела она таким голосом, что становилось ясно, что вслед за этим последует только расчленение жертвы.

Я начал задира́ть рукав футболки.

— Другое, — кивком головы Таня показала ниже.

Я перевернулся на живот и оголил требуемое место.

Медсестра присела на край постели, склонилась надо мной так низко, что я лопатками почувствовал тепло ее груди, и прошептала тем же возбуждающе — низким голосом почти в самое ухо:

— Нет там родинок, а под халатом у меня не стринги.

И резко вонзила иглу в незащитную мышцу. Я непроизвольно дернулся и заскрежетал зубами от боли.

— Все, можешь одеваться, — теперь ее голос был нормальным и спокойным и даже немножко нежным.

Вот как она отомстила за мой розыгрыш! Но вместе с введенным в ягодицу лекарством во мне снова проснулось желание пофлиртовать; не хотелось чтобы она вот так вот взяла и ушла, оставив меня наедине с грезами о ее выдуманных и реальных родинках.

Я глухо застонал, не разжимая губ, выдыхая через нос, выгнулся в пояснице и, кряхтя,

повернулся к ней лицом.

— О-о! А-а-а! У-у-у-у! — корчился я, изображая лицом невыносимую боль.

Таня неподдельно изумилась моей реакции, испуганно глядя то на пустой шприц, то на меня.

— Умираю! — выдавил я из своей груди мучительный вопль.

— Это же всего лишь витамин В12! — воскликнула медсестра.

— Таня, — уже спокойней сказал я, обнимая ее за талию, — не уходи, не бросай меня.

Она сразу же успокоилась, поняв, что мне ничего не грозит и это всего лишь очередная шутка.

— Дурак! — улыбнувшись все той же улыбкой, она попробовала встать с кровати.

Но моя рука не отпустила ее, крепче обхватив упругое тело.

— Тань, а ты знаешь, что ты красивая? — другая рука легла ей на бедро.

— Знаю, — просто ответила она, кладя свою руку поверх моей, чтобы сразу пресечь возможные вольности.

Но я даже не шевелил ею, боясь разорвать тоненькую ниточку наших завязывающихся отношений. Просто впитывал ладонью ее тепло и млел от этого. Видя, что ничего больше я не позволяю себе, Таня погладила меня по руке, потом взъерошила волосы и так уже спутанные от долгого лежания на подушке и выпрямилась. Я поднялся с постели и, притянув ее к себе, поцеловал. Долгих, бесконечных несколько секунд я целовал влажные мягкие губы, вбирая в себя ответный поцелуй, нежный и спокойный, а потом она отстранилась, снова потрепала меня по голове и ласково сказала:

— Выздоровливай, больной.

— Таня! — крикнул я ей вслед. — Тань, не уходи! — и снова ответом мне была закрывшаяся дверь.

Я еще долго сидел на кровати, борясь с желанием пойти к ней, и тут же останавливал себя трезвыми резонами, что это все глупо, и ей совсем не нужны какие-либо отношения с очередным пациентом, а мое влечение к ней, это всего лишь вспыхнувшая от безделья страсть. Потом лег и попытался успокоиться, глядя сквозь ночной сумрак в потолок.

Таня почти бесшумно вошла в палату, лишь тихий щелчок закрывшейся двери подсказал мне, что ее появление это не сон, а сердце учащенно забилося, когда она присела на краешек постели, окутав меня теплым запахом распущенных волос. Я взял ее за руку и молча притянул к себе, снова бесконечно долго целуя желанные губы, замирая от щекочущих мое лицо мягких прядей. Руки, и ее и мои боролись с одеждой и мешали друг другу, отбрасывая в сторону халат и футболку, гладили плечи и прижимали наши губы, а страсть распалялась стонами и неистовым танцем наших языков. И все это длилось невообразимо долго и сладостно бесконечно. И я, как безнадежно больной, пытался ухватить сводящее с ума чувство, как последнюю каплю жизни.

Таня прогнулась подо мной, позволив расстегнуть и сорвать с нее лифчик и трусики, и я тут же прижал ее к постели, утонув в мягкости ее груди, а следом как в манящий своей бездонностью омут, ворвался во влажную тесноту. И двигался, двигался, двигался, не желая заканчивать этот полет ко дну безумия, не имеющего конца, боясь, что с последним всплеском наслаждения, мир перестанет существовать.

Таня выгибалась мне навстречу всем телом, стонала через плотно сжатые губы, словно не хотела выпускать из себя вместе со стоном бушующее внутри чувство, а я отчаянно бился

между ее дрожащих коленей, до боли сжимая в кулаки пальцы...

Утром меня разбудил вернувшийся из дома пацан. Вслед за этим лечащий врач равнодушно сообщил, что меня выписывают, так же равнодушно пожелал не есть подозрительные йогурты и тихо растворился в больничных палатах.

Я как мог, тянул время, заторможено собирая свои вещи, постоянно прислушиваясь к голосам в коридоре и оглядываясь на дверь, и уже знал, что не увижу ее: утром, пока я еще спал, она сдала смену и ушла домой, оставив мне лишь воспоминания о прошедшей ночи.

©ММХVII, Merzavets